

**П.Н. Краснов**

**От двуглавого орла к  
красному знамени; 1894-1921**

**Том 4**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
П11

П11 **П.Н. Краснов**  
От двуглавого орла к красному знамени; 1894-1921: Том 4 / П.Н. Краснов –  
М.: Книга по Требованию, 2013. – 192 с.

**ISBN 978-5-517-98562-0**

**ISBN 978-5-517-98562-0**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



кремомъ. — и то и другое тронутое уже; видно, что здѣсь не ужинали, а ѣли, дорвавшись до вкусной и обильной ѣды. Буылки не разставлены по столу, вино не разливаютъ лакеи, просовывая бутылку изъ за плеча, но стоятъ кустиками въ трехъ мѣстахъ стола. Тутъ и водка зубровка, и шампанское, красное французское, и донскія вина. Что достали, что удалось еще разыскать и реквизировать.

Таковы же и гости. И ихъ точно собрали, реквизировали со всей Россіи и смѣшали въ общую кучу. Они разбросались по комнатѣ и ѣдятъ, какъ попало. Одни жадно, обсасывая каждую косточку и шумно вздыхая, другіе робко, оглядываясь, точно боясь, что отнимутъ, третьи брезгливо и пренебрежительно.

Въ головѣ стола, на большомъ голубомъ креслѣ, сидитъ самъ хозяинъ. На немъ неизмѣнная, повая, блестящая, черная, кожаная куртка, украшенная красными и золотыми эмблемами. Она разстегнута и изъ подъ нея видна красная шелковая рубашка, заправленная въ кожаные шаровары, за которые заткнуто два револьвера. Коржиковъ съ ними никогда не разстается. Молодое, исхудалое, изможденное порокомъ, кокаиномъ, пьянствомъ и развратомъ лицо его мрачно. Онъ не въ духѣ. Онъ въ одномъ изъ тѣхъ тяжелыхъ настроеній, когда для него нѣтъ непереступимой черты, когда ему все возможно. Рядомъ съ нимъ, по правую руку его, тоже въ креслѣ сидитъ командиръ коммунистическаго полка Павелъ Голубъ. Это мущина лѣтъ сорока пяти, изъ старыхъ вахмистровъ, лысый толстый, кряжистый, могучій. Красное лицо его покрыто морщинами и изъ нихъ угодливо смотрятъ маленькіе сѣрые глаза, вѣчно подернутые слезою почтительности. По другую сторону, — нарядный въ черномъ ментикѣ старой кавалерійской школы и краповыхъ щегольскихъ чакчирахъ, небрежно облокотясь на столъ сидитъ

„военспецъ“ — Рахматовъ, пожилой кавалерійскій полковникъ, продавшійся III интернаціоналу. Онъ небрежно, умѣючи, посасываетъ шампанское изъ широкаго фужера и большими, ясными глазами оглядываетъ сидящаго противъ него молодого коммуниста. Это тоже „военспецъ“ — товарищъ Николай Полежаевъ. Онъ изящно одѣтъ въ новенькій, хорошо пригнанный, англійскій, военный френчъ съ вышитыми на рукавѣ красными и золотыми звѣздами. Это — герой польской войны, восходящее свѣтило красной арміи. Рядомъ съ нимъ напряженно работаетъ надъ крыломъ индѣйки Викторъ Михайловичъ Любовинъ — дядя хозяина. Онъ постарѣлъ и облысѣлъ, лицо его покрыто преждевременными морщинами, въ глазахъ притаился вѣчный страхъ. Онъ знаетъ, что ему не вѣрятъ коммунисты, что онъ подѣ постояннымъ подозрѣніемъ и потому долженъ молчать, а молчать онъ не умѣетъ. На его глазахъ, послѣ короткаго допроса убили его друга и ментора Федора Федоровича Коржикова, замѣшаннаго въ возстаніи лѣвыхъ эсъ-эровъ въ Ярославлѣ. Нашли какую то переписку и пристрѣлили, какъ собаку, когда онъ спускался по лѣстницѣ изъ суда чрезвычайки. Любовину удалось отвертѣться, устроиться писаремъ въ коммунистическій кавалерійскій полкъ, но вѣчный страхъ, что его заподозрятъ, уличатъ и «выведутъ въ расходъ», голодовки, дурное питаніе сосарили и истощили его.

Остальные гости — молодые люди во френчахъ, въ старыхъ мундирахъ, въ пиджакахъ сидятъ, кто за столомъ, кто на диванѣ. Они сильно выпили, имъ трудно сдерживать свое настроеніе, но они боятся хозяина и нѣтъ, нѣтъ поглядываютъ на него.

Два красноармейца, въ широкихъ, плохо пригнанныхъ френчахъ ходятъ на носкахъ по гостиной и разносятъ чай.

Мими Гранитина сидитъ на маленькомъ пуфѣ, у окна, подлѣ большой вазы съ цвѣтами и, обмахиваясь вѣеромъ, смотритъ снизу вверхъ на красиваго офицера—коммуниста Осстрова, который пожираетъ ее глазами. На ней роскошное, шелковое, съ атласомъ и вышивками, узкое и короткое платье, изъ подъ котораго видны тонкія ножки въ золотистыхъ шолковыхъ чулкахъ.

На оттоманкѣ лежитъ красавица Беби Дранцова. Она въ полномъ расцвѣтѣ своихъ двадцати четырехъ лѣтъ. Голова съ классическимъ профилемъ, съ громадными голубо-сѣрыми съ поволокой глазами, съ бѣлымъ, красивымъ лбомъ, матовымъ румянцемъ на щекахъ и темными, по совдепской модѣ, по плечи, остриженными и завитыми волосами полна благородства. Широкія плечи и сильно обнаженная, полная, могучая грудь бѣлы. Узкое платье очерчиваетъ ея рослую фигуру съ широкими бедрами и длинными, полными ногами. Два года тому назадъ, во время допроса въ чрезвычайкѣ, ее изнасиловалъ красавецъ матросъ и съ того дня въ ней произошелъ какой то душевный надрывъ. Она точно забыла все прошлое. Воспитаніе, религія, семья — все было брошено. Веселиться, ѣсть, пить, валяться по мягкимъ постелямъ съ этими сильными мужчинами, пахнущими порокомъ и кровью, которымъ все можно, получаютъ отъ нихъ подарки: — кольца съ пятнами крови, браслетки и брошки, неизвѣстно откуда добытыя, рыться съ ними въ чужихъ шкапахъ и комодахъ и, безстыдно, при нихъ, примѣрять чужое бѣлье и платье — стало ея жизнью. Могучее тѣло искало сильныхъ ощущеній и среди комиссарскихъ содержанокъ она сдѣлалась знаменитостью.

Рядомъ съ нею, обнявши ее за талью, лежитъ Шлоссбергъ. Онъ сильно пьянъ, раскисъ и Беби противны прикосновенія его мокрыхъ, скользкихъ, холодныхъ рукъ. Но она не смѣетъ прогнать его,

— Товарищъ, говоритъ она тихимъ шопотомъ, вы знаете товарища Полежаева?

— Нѣтъ. А что?

— Миѣ говорили, что онъ какой то особенный коммунистъ. Даже къ женщинамъ цикогда не прикасался.

— А вамъ, Беби, поди такого только не доставало.

— А что жъ? И правда. Я думаю хорошъ.

— Я вамъ его сосватаю.

— А товарищъ Коржиковъ?

— Ему то все равно...

## II.

— Вы сомнѣваетесь, товарищъ, — щуря свои наглые глаза и въ упоръ глядя на Полежаева, говорилъ Коржиковъ, — что это мои предки?

Вотъ уже вторую недѣлю, что Коржиковъ чувствуетъ себя нехорошо въ присутствіи этого молодого офицера. Нашла коса на камень. Этотъ человѣкъ, безупречный коммунистъ, прибывшій съ польскаго фронта съ самыми блестящими аттестаціями Тухачевского и Буденнаго, фаворитъ самого Троцкаго странно вліяетъ на Коржикова и, въ его присутствіи, Коржиковъ чувствуетъ свою волю подавленной, злится, дѣлаетъ ужасныя вещи и встрѣчаетъ холодную усмѣшку прекраснаго лица. Товарищъ Полежаевъ говоритъ ему въ лицо такія вещи, за которыя надо тутъ же разстрѣлять, а Коржиковъ молчитъ и криво улыбается. Сейчасъ всѣ пьяны. Не пьяны только Коржиковъ и Полежаевъ. Коржикову хочется чѣмъ либо допечь и сбить съ толка Полежаева, унижить и раздавить его.

— Если бы это были ваши предки вы бы знали, кто они такіе, — холодно отвѣтилъ Полежаевъ и его ледяное спокойствіе волновало Коржикова.

Вы ихъ перетащили изъ квартиры генерала Саблина, чортъ знаетъ какъ безвкусно и безтолково развѣспили и думаете, что отъ этого стали ихъ потомкомъ.

— Саблинъ мой отецъ, быстро сказалъ Коржиковъ. —

— Не сомнѣваюсь. Потому то вы и носите фамилію разстрѣляннаго эсъ-эра, — холодно сказалъ Полежаевъ.

— Это потому, что я родился внѣ брака.

— А вы знаете, что такое бракъ?, насмѣшливо сказалъ Полежаевъ.

— У коммунистовъ нѣтъ брака, сказалъ Коржиковъ.

— Такъ о чемъ же вы и говорите.

Коржиковъ помолчалъ немного и поежился.

— Вы знаете, товарищъ, быстро сказалъ онъ, что значить по латыни Викторъ?

— Да, знаю. Но вѣроятно вы знаете тоже, что значить по гречески Ника \*). Сильны еще въ васъ, товарищъ, буржуазные предрасудки, если васъ тѣшатъ такіе пустяки, какъ имя.

Коржиковъ отошелъ отъ Полежаева. Онъ былъ золъ.

— При-слу-га!, зычно крикнулъ онъ.

Красноармеецъ во френчѣ подбѣжалъ къ нему и вытянулся.

— Э-э... вотъ что, товарищъ, — спорхайте — ка въ эскадронъ п моихъ пѣсенниковъ и музыкантовъ, да ж-живо!

Красноармеецъ бросился исполнять приказъ политкома.

— Я для васъ, господинъ комиссаръ, — слезливо моргая глазами съ опухшими красными вѣками, сказалъ командиръ полка, — подготовилъ оркестръ, какъ у товарища Буденнаго. Двѣ гармошки и кларнетъ. Но играютъ, знаете, изумительно. Вотъ

---

\*) *Victor* по латыни — побѣдитель, тоже самое обозначаетъ по гречески *Nika*.

сейчасъ изволите послушать. И опять же новыя пѣсни знаютъ. Частушки эти самыя. И про Колчака и про добровольцевъ. Самыя хорошія.

— Послушаемъ, небрежно кинулъ Коржиковъ.

Въ углу стола Рахматовъ выговаривалъ, сидя, стоявшему передъ нимъ Осетрову.

— Вы, товарищъ, доведете лошадей до того, что онѣ подохнуть. Ни чистки, ни корма.

— Да что же я дѣлать могу, товарищъ? Корма не добьешься никакъ. Я уже спеціальныхъ людей назначилъ, чтобы, значить, пороги обивали и просили о нарядѣ продовольствія; чистить нечѣмъ. Щетокъ ни за какія деньги не достанешь. Товарищи чистить не могутъ. Какъ тѣни шатаются голодные. Въ конюшняхъ грязь.

— Вотъ на это то самое, товарищъ, я вамъ и указываю. Потрудитесь, чтобы этого не было.

— Нарядите, товарищъ, субботникъ, хоть конюшни очистить... А впрочемъ. — съ досадою сказалъ Осетровъ — и субботникъ не поможетъ. Придутъ буржуи. Ничего не умѣютъ, ни лопать у нихъ, ни лотковъ, ни тачекъ. Только нагадятъ по дворамъ.

— А куда же все дѣвалось?, спросилъ Рахматовъ.

— Зимою пожгли. Сами знаете какіе морозы были.

— Ну, знаете, Осетровъ, — это все отговорки. Вотъ у Голубя же все какой ни на есть, а порядокъ.

— Голубь кто! Голубь царскій вахмистръ, а я коммунистъ, — желчно сказалъ Осетровъ.

Пришли музыканты. Ихъ было пять человекъ. Поднятые съ постелей, они пришли немые, лохматые, грязные и вонючіе. На нихъ были ошарпанные, плохо пригнанные френчи и шаравары, а блѣдныя лица ихъ посили слѣды болѣзней и недоѣданія

— Вы что, сволочи!, напустился на нихъ Голубь. — Причесаться, подлецы, не могли. Ахъ мерзавцы! Живо прибратъся. Чтобъ я такими вась не видалъ.

Они ушли на кухню и, когда вернулись, выглядѣли лишь немного лучше.

Гармоника издала писклявый звукъ, къ пей пристроился кларнетъ, загудѣла другая гармоника и простой, грубый мотивъ раздался по залу. Разговоры смолкли.

Звонкій, хриплый, простуженный теноръ воплемъ вырвался изъ за стоновъ гармоники и гудѣнія кларнета. Не то пѣніе, не то крикъ разнозчика, какъ кричали въ старину по дворамъ и по дачамъ ярославцы въ бѣлыхъ передникахъ и съ лотками на головахъ, огласилъ весь залъ.

Огурчикъ зеленый,  
Рѣдка молодая...  
Являйтесь дезертиры,  
Къ пятнадцатому мая!...  
Пароходъ идетъ,  
Да волны — кольцами...  
Будемъ рыбу кормить  
Добровольцами.  
Всѣхъ буржуевъ на Кавказѣ  
Аннулируемъ  
И сафьяные ботинки  
Ухъ! да! реквизируемъ!...

— Славная пѣсня, сказалъ пошатываясь Осетровъ. А, спойте, товарищи, — ш а р а б а н ь.  
Опять заняла гармоника.

— Солдатъ — російскій,  
Мундиръ — англійскій,  
Сапогъ — японскій,  
Правитель — Омскій.  
Эхъ, да шарабанъ мой,  
Американка!  
Не будетъ денегъ  
Продамъ Наганъ.

Идутъ дѣвочки  
Поднявъ юбочки,  
За ними чехи,  
Грызутъ орѣхи.

— Ну что это за пѣсня, — сказалъ, выходя къ музыкантамъ, Полежаевъ. — Вотъ шелъ я сегодня по Питеру, такъ иную пѣсню слыхаль, Давай, товарищъ, гармошку.

Полежаевъ спокойными глазами обвелъ все общество и взялъ мотивъ частушки

Я на бочкѣ сижу —

— пропѣлъ онъ,

А подъ бочкой мышка  
Скоро бѣлые придутъ  
Коммунистамъ крышка!  
Ѣдетъ Ленинъ на конѣ,  
Троцкій на собакѣ,  
Комиссары испугались —  
Думали — козаки.

Я на бочкѣ сижу.  
А подъ бочкой склянка,  
Мой мужъ комиссаръ,  
А я — спекулянтка!

— Здоровая пѣсня, — прокричалъ Голубь, — эго ловко сказано какъ: — мой мужъ комиссаръ, а я спекулянтка! Въ самую точку попалъ!

— Бѣлогвардейская пѣсня, — презрительно сказалъ Коржиковъ. — Откуда вы взяли ее, товарищъ?

— Въ Петрокомунѣ слыхаль. На „улицѣ 25 октября“ мальчики пѣли.

— Видно чека еще не добралась, вставилъ Гайдукъ.

— Погоди, доберется, мрачно сказалъ Коржиковъ. Лицо его потемнѣло. Надвигалась гроза.

Всѣ притихли. Чекисты Гайдукъ и Шлоссбергъ подошли къ Коржикову, готовые схватить Полежаева. Дженни съ блѣдною улыбкой на лицѣ пристально смотрѣла на Полежаева. Беби Дран-

цова приподнялась на локтѣ, зрачки ея глазъ поднялись кверху и подѣ ними обнажился бѣлокъ, она порывисто дышала и съ восторгомъ смотрѣла на Полежаева. Среди офицеровъ тоже произошло движеніе. „Эхъ!“, съ досадою воскликнулъ Голубъ и на сѣрые глаза его навернулись слезы. Одинъ Полежаевъ остался совершенно спокоенъ. Онъ ровными, твердыми шагами подошелъ къ фортепьяно, открылъ его и, не садясь, попробовалъ.

— Ну, вы!, — повелительно крикнулъ онъ гармонистамъ. — Оркестръ Буденнаго! Нишкни! Заткнись и засохни! Не отравляй моего Русскаго слуха дребеденью, придуманною хулиганами и контрреволюціонерами. Я буду пѣть!

Грянулъ мощный аккордъ и сильный голосъ потрясъ весь залъ.

Налей бокаль!  
Въ немъ нѣтъ вина.  
Коль нѣтъ вина, такъ нѣтъ и пѣсень!  
Въ винѣ и страсть,  
И глубина  
Въ разгулѣ міръ намъ будетъ тѣсень!

— Эй!, крикнулъ онъ, — товарищъ! Бокаль мнѣ!

Коржиковъ мягкими копячьими шагами подошелъ къ нему.

— Вы это что же, прошипѣлъ онъ. — Вы забываете, что я здѣсь хозяинъ.

— Хозяинъ, — загремѣлъ, не оборачиваясь отъ рояля Полежаевъ. — Да вы опалѣли, товарищъ комиссаръ, слава Ленипу, мы живемъ въ коммунистическомъ государствѣ и здѣсь нѣтъ собственности. Подавай мнѣ, товарищъ, вина!

Красноармеецъ подошелъ къ нему съ бутылкой и бокаломъ. Полежаевъ медленно, не спуская темныхъ глазъ съ Коржикова, выпилъ бокаль и заигралъ на роялѣ. Онъ игралъ мастерски. Мотивы старыхъ Русскихъ пѣсень и мелодій Русскихъ оперъ лились съ клавишъ, будя какія то

пеясныя воспоминаія. „Ахъ вы сѣни мои сѣни“ — весело, подмывая плясать, игралъ Полежаевъ и лицо его лукаво подмигивало и вдругъ оборвалъ и тягучій напѣвъ „Ноченьки“ зазвучалъ по залу. Онъ сорвался на арію изъ „Жизни за Царя“, осторожно, точно дразня, тропуль два аккорда Русскаго гимна и сейчасъ же весело грянулъ „Ваньку“.

— Ну-же! Ну!, крикнулъ онъ. Вѣдь знаете же, товарищи, что же молчите! А? Ну!

Понапрасну Ванька ходишь.  
Понапрасну ножки бьешь!

— Ну!

Первымъ пристроился Рахматовъ, за нимъ не сдержалась молодежь, Голубъ старческимъ дребезжающимъ голоскомъ подпѣвалъ и уже слезы лились по его щекамъ.

— Ничего ты не получишь...

Пѣли всѣ гости и только Коржиковъ мрачно ходилъ взадъ и впередъ по залу: Перваго человѣка нашелъ онъ такого, который не покорялся его волѣ и не боялся его. И Коржиковъ злился.

Полежаевъ заигралъ: „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ и хоръ гостей, уже не ожидая приглашенія, запѣлъ могучими аккордами широкой Русской пѣсни потрясая длинный залъ.

Разъигралася пого-ода

— Буденный, не ври!, крикнулъ Полежаевъ отъ рояля въ сторону пѣсенниковъ.

Погодушка, она, верховая...<sup>3</sup>  
Ничего въ волнахъ не видно...

Шире гремѣла пѣсня. Коржиковъ ходилъ взадъ и впередъ подъ портретами предковъ и ему казалось, что предки слѣдятъ за нимъ глазами. Онъ понюхалъ кокаина и стало еще хуже.